

— Какой сегодня день?

Цзоцзо стояла у окна, задумчиво глядя на людской поток внизу.

— Уже шестой, — Му Янь, не отрываясь, строчила письмо, а от горячего чая рядом с ней поднимался пар, похожий на дымку.

За эти шесть дней они каждый день отправляли почтовых голубей в лагерь государства Юй, стоявший под стенами Наньцзяна, но не получили ни единого ответа. Даже сами птицы не возвращались. Снег, не успевший растаять в холодную погоду, застилал небо, и голуби зачастую гибли в пути, не выдерживая ветра.

Изначально сюда пришла лишь Цзоцзо, но когда она вернулась в Бэйцзян за лекарствами, Му Янь заявила, что тоже хочет увидеть Янь Цзина. В день, когда войска сошлись в битве, Янь Цзин отдал особый приказ: оставить женский отряд охранять Бэйцзян, и Му Янь было запрещено участвовать в сражении. Поначалу она думала, что Янь Цзин им не доверяет, но эта мысль тут же улетучилась — ведь он лично вручил ей Приказ наследного принца.

Когда Нань И вернулся с армией и поползли слухи, что Янь Цзин взят в плен, Му Янь сначала пустила в ход приказ, чтобы наказать трусов, бежавших с поля боя, а затем велела готовить лошадей, намереваясь пробраться в лагерь Юй и выкрасть его. В решающий момент появилась Цзоцзо и остановила её, открыв правду: плен Янь Цзина был спланирован им самим. Выслушав всё, Му Янь, как и Цзоцзо, сочла план Янь Цзина слишком рискованным. Малейшая ошибка — и пути назад не будет. Но раз уж всё началось, нельзя было бросать дело на полпути. Му Янь начала действовать по плану, постепенно подрывая влияние Нань И в Бэйцзяне — ведь если Янь Цзин решит вернуться в государство Янь, Бэйцзян станет его единственным путем.

— Ва... Ваше Высочество!

В бескрайнем людском море случайный взгляд пронзил тьму, словно первый луч рассвета в душе. Услышав это, Му Янь тут же бросила кисть и бросилась к окну, встав плечом к плечу с Цзоцзо. Они не мигая смотрели на мужчину, чьи черты были так похожи на Янь Цзина, но расстояние было слишком велико, чтобы разглядеть детали и быть уверенными.

Му Янь повернула голову:

— Спускайся и проследи за ними.

— Я много лет жила в Бэйцзяне и не раз сталкивалась с людьми из Юй. В городе полно тех, кто меня знает. Чтобы не навлечь беду, я подожду тебя здесь.

Она сунула Цзоцзо кинжал и наставила:

— Убедись и сразу возвращайся, не спугни их раньше времени.

Цзоцзо похлопала Му Янь по руке:

— Не волнуйся.

В этом мире, где правят мужчины, женщин всегда недооценивают. Хотя их семьи были разными, обе они были раздавлены одной и той же горой по имени Предрассудки. Когда-то из-за недопонимания они даже подрались, и тогда Му Янь воочию увидела мастерство Цзоцзо: быстрая, как тень, жесткая и опасная. Её движения в бою напоминали бегущую воду — ни лишнего жеста, ни заминки. Му Янь три года провела в армии, но даже среди мужчин редко встречала столь грозных воинов. Му Янь знала, через какие муки проходят женщины, решившие встать на путь боевых искусств. Она понимала, что в поединке ей не одолеть Цзоцзо, а это означало, что Цзоцзо пришлось вынести куда больше страданий. И поскольку обе они были женщинами, понимание чужой боли породило между ними простую, но глубокую связь.

— Три четверти часа. Если не вернешься, я пойду тебя искать.

Цзоцзо отдала Му Янь свой меч, а кинжал, полученный от неё, спрятала:

— Вернусь через четверть часа.

— Будь осторожна.

Сегодня был праздник фонарей, и даже с наступлением сумерек город шумел, как растревоженный улей. Янь Цзин шел, постоянно оглядываясь и подгоняя спутника:

— Быстрее, ты такой медлительный! Если опоздаем, «львиных голов» не останется. Это блюдо у них лимитированное. Когда мы с Ю Ю приходили, чуть не остались ни с чем — осталось всего пять штук, я забрал все. Ю Ю съела одну, а я — четыре.

Шангуань Тин сделал широкий шаг и ухватил Янь Цзина за рукав:

— Вокруг полно народу, не потеряйся.

Янь Цзин улыбнулся, и его глаза превратились в полумесяцы:

— Пока ты смотришь на меня, я никогда не потеряюсь.

Он перехватил руку Шангуань Тина, державшуюся за рукав, и сказал:

— Какой толк держаться за рукав? В такой толпе он вмиг выскользнет. Нужно вот так. Видишь? Я крепко держу тебя за руку, теперь мы связаны надежно.

— Ты со всеми так себя ведешь? — тихо спросил Шангуань Тин.

Янь Цзин не расслышал:

— Что?

— Ничего. Пойдем быстрее, а то твои львиные головы разберут.

В городском шуме каждый из них по-своему признавался в бесконечной и жгучей любви. Чья-то любовь видна всем, а чья-то — скрыта от глаз самих влюбленных. По случаю праздника в лавке приготовили много еды. Когда Янь Цзин и Шангуань Тин подошли, вывеска с «львиными головами» всё еще висела — в обычный день её убрали задолго до обеда.

— Львиную голову, пожалуйста.

— И мне, будьте добры, одну.

Два голоса прозвучали одновременно. Хозяин лавки, натянув вымученную улыбку, с трудом выдавил:

— Сегодня осталась всего одна порция, этот господин в черном заказал её первым.

Янь Цзин, который всю дорогу только и говорил об этом блюде, не желал так просто уступать:

— На каком основании? Мы пришли первыми, кто успел, того и тапки.

Мужчина в черном поклонился Янь Цзину:

— Я готов заплатить тройную цену, чтобы вы уступили мне эту порцию.

— Мне не нужны деньги, мне нужна львиная голова, — с пренебрежением ответил Янь Цзин. Он — наследный принц государства Янь, неужели он станет мелочиться из-за пустяков?

Хозяин, поймав на себе тяжелый взгляд Шангуань Тина, решился заступиться за мужчину в черном:

— Господин, вы не знаете... Этот человек — наш постоянный клиент. Он сам не любит львиные головы, но это блюдо обожала его жена. Он покупает его для неё. Сегодня годовщина её смерти.

Услышав это, Янь Цзин, только что пылавший гневом, мгновенно сник. Но ради приличия он буркнул:

— Львиная голова... подумаешь, ничего особенного, я её и не особо люблю. Замените мне на жареную утку.

— Благодарю вас.

Шангуань Тин, до этого молча стоявший в стороне, видя, что Янь Цзин расстроился, утешил его:

— В Аньду тоже неплохо готовят львиные головы.

Аньду — столица государства Юй. Если государство Янь не пошлет послов для переговоров, Янь Цзина, скорее всего, увезут в Аньду, чтобы решить его судьбу там.

— Ты собираешься везти меня в Аньду? — Янь Цзин направился к свободному столику в углу.

— Я не хочу снова трястись в долгой дороге. Кареты такие узкие и жесткие, всю душу вытрясают, я там и поспать нормально не могу. Когда мы ехали в Бэйцзян, я чуть не рассыпался на части.

Янь Цзин налил Шангуань Тину чаю и как бы невзначай добавил:

— Если ты действительно хочешь отвезти меня в Аньду, это будет не так-то просто.

Мужчина в черном, забрав порцию, подошел к их столу.

— Меня зовут Сяо Хуанянь. Благодарю вас за доброту.

Он снял с пояса жетон и протянул его Янь Цзину:

— Если когда-нибудь понадобится помощь, покажите этот жетон в Павильоне Мыслей о Струнах, и вам помогут исполнить желание.

Янь Цзин принял жетон и усмехнулся:

— Забавное у тебя имя.

— Его дал мне мой наставник. И фамилию тоже взял её, — при упоминании наставника на лице Сяо Хуаняня, до этого холодном, промелькнула улыбка.

Янь Цзин задумался:

— Цзинь сэ у дуань у ши сян, и сян и чжу сы хуа нянь? (Струны цитры — пятьдесят, без причины, каждая струна и подставка напоминают о годах юности?)

Сяо Хуанянь кивнул:

— В её имени был иероглиф Цзинь. Когда мы впервые встретились, в книге, что лежала перед ней, были написаны эти строки. Так я и получил это имя.

Он покачал свертком с едой, словно ребенок, хвастающийся сладостями:

— Её звали Сяо Цзинь. Она была моей женой.

Все, кто знал Сяо Хуаняня, говорили, что он странный человек: если заговорить с ним о другом, он ответит парой слов, но стоит упомянуть его наставницу, как он может часами рассказывать о ней без умолку. Поистине, сложнее всего в этом мире пройти через врата любви, и еще сложнее — найти из них выход.

<http://bllate.org/book/21786/2253241>